

Алексей Янкин

*Наследник
славы*

Часть 1. Ссылный

Алексей Янкин

**Наследник славы.
Часть 1. Ссылный**

«Издательские решения»

Янкин А. Е.

Наследник славы. Часть 1. Ссылный / А. Е. Янкин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748455-2

Преступник, сосланный на вечное поселение на далёкую, неприютную, дику планету по имени Земля. Найдёт ли он здесь друзей или обретёт врагов?

ISBN 978-5-44-748455-2

© Янкин А. Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Станционный смотритель	6
Глава 2. Нежданный гость	11
Глава 3. Побег	17
Глава 4. Невольный спаситель	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Наследник славы
Часть 1. Ссылный
Алексей Евгеньевич Янкин

© Алексей Евгеньевич Янкин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Станционный смотритель

Шуке смотрел на раскинувшийся под его ногами город и откровенно скучал. Море огней тянулось вдаль и терялось где то за горизонтом. Оно было и справа, и слева от него, подползая почти к самым ступням. Огненное покрывало, накинутое на всю долину. Покрывало, состоящее из мириадом и мириадом маленьких светящихся точек. Каждая из них кому то светит в данный момент. Освещает чье-то счастье, чью-то печаль, чей-то гений, чье-то преступление. Шуке почесал лапой засвербевший от мыслей лоб. Это ж надо, от горизонта до горизонта – сплошное море огня! Впрочем нет. Вон там темное пятнышко. И вон там, но уже поменьше. Это парки. Тот, что побольше – центральный.

За спиной Шуке – его гора, что возвышается над городом огромной сахарной головой. Она была здесь и тогда, когда города еще не было в помине. Шуке помнит, как внизу, в лесах, ревели лоси и выли волки. Как барсы сражались за добычу с медведями. А затем, после Большого Пожара, когда весь лес выгорел подчистую, через сотню лет внизу распласталась степь. И его слуха достигало мычанье сотнетысячеголовых рогатых стад. И вот теперь – это море света. Оно затопило и леса, и степи и всех их обитателей. Как это не похоже на родные ущелья с их упорядоченной, отлаженной до мелочей жизнью.

А вот он со своей горой пережил их всех. Переживет и этот город с его расточительством, бахвальством и пороками.

Шуке встал, отвернулся от обрыва и, зевнув, заковылял к своей норе. Пожалуй это только называлось норой, потому что располагалась она прямо в теле горы. Но входа в неё, даже излазив всё окрест, никто найти не смог бы. За тысячи лет её существования здесь проходило множество живых существ и ни одно из них даже не заподозрило о том, что буквально в паре шагов от него начинается целая сеть переплетенных меж собой ходов и помещений. И не потому, что вход был как то по-особому искусно замаскирован. Нет. Его попросту не было. Точнее вход то был, но увидеть его и, тем более, воспользоваться им, мог только настоящий сквирг.

Шуке был самым что ни на есть чистокровным сквиргом с весьма качественной родословной. Не аристократ, конечно, но из благородных. И надо ж было ему влюбиться в ту дуру. И друзья говорили, что она полная дура. Только вот её мать являлась Потомственным Главой Собрания Аристократов Седьмого Уровня. А этой идиотке приспичило выйти за него замуж и сообщить об этом своей кормилице. А та тут же передала это её матери. Шуке, конечно, бежал в тот же полувечер.

Еще до захода Малого Зеленого Солнца его сняли с движущегося тротуара семнадцатого надземного перехода у Т-образного сочленения почти у самого выхода из Основного Осевого Городского Каньона, где он находился на пути в свой университет, и доставили в суд. Суд оказался скор и справедлив (как и любой суд, разбиравший дела о намечавшихся преступных мезальянсах). В результате – из весьма престижного учебного заведения, куда племянника с таким трудом засунула двоюродная тетушка по матери, его выперли. Хотели отправить на кислородные шахты Утрима, но учитывая многочисленные заслуги перед Тремя Подстатейными Городами его покойной матушки, отправили в «вечную ссылку без права возврата». А это означало, что ходатайствовать о возвращении из ссылки Шуке всё же мог, но лишь тогда, когда умрут все девять судей, осудивших его (благо все девять находились в весьма и весьма преклонном возрасте), хоть один из трёх прокуроров, участвовавших в деле и два секретаря судебного заседания (один из основных и один подменный). При этом хоть один из помощников секретарей должен остаться в живых, что бы вечно-ссылный имел возможность передать через него нижайшее прошение о помиловании. Ситуация практически нереальная, потому – бесперспективная. Насколько знал Шуке, на настоящий момент в живых еще оставались четыре судьи, вроде как, один прокурор и половина помощников. Секретари вымерли все. Они всем гуртом

уснули на пикнике после попойки в честь начала празднования Недели Смены Дат и прокараулили восход Третьего Голубого (Малого) Солнца. А его лучи смертельны для любого обитателя Зар-Тенарра, кроме, может быть, покрытых волосатыми панцирями загрей. Да и те больше пары часов не вытерпят. Так что, учитывая, что Шукке еще молод и прожил едва четверть отпущенных ему Высшим Смыслом лет, гипотетическая надежда увидеть родные, милые сердцу ущелья, все же оставалась. Но к тому времени он, может статься, окажется древним стариком.

И вот уже больше ста двадцати трех сезонов Смены Дат, по счету Зар-Тенарра, Шукке служит смотрителем на Станции Аварийной Посадки в самом что ни на есть глухом районе у самого что ни на есть дальнего края соседнего Спиралевидного Галактического Колеса. За эти годы его посещали лишь трижды.

Шукке со временем с трудом, но приспособился к местному климату и длительности года, определяемых единственной звездой планетной системы. Конечно к дневному жгучему светилу привыкнуть невозможно и Шукке делал вылазки наружу лишь ночами. Зато у планеты имелся свой спутник. Он был источником тихой радости и даже где-то гордости изгнанника. Поначалу смотритель принял его за вторую звезду, но когда убедился, что это всего лишь огромный холодный шар, отсвечивающий отраженным светом, он был растерян. На Зар-Тенарре ничего подобного не было. От презрения к глупому бесполезному небесному телу Шукке, сам не желая того, вскоре перешел к восхищению и даже некоему преклонению перед этим, висящим в небе массивным телом. На него можно было смотреть часами, не опасаясь за свое зрение. И со временем это зрелище не только не надоедало, но все более и более завораживало.

Шукке тщательно, как и предписано Пятью Основными Инструкциями Смотрителя Малой Станции Аварийной Посадки Класса 12С, вел счет местным периодам смены дат. Да и не было в этом ничего сложного. Смешно сказать – всего одно светило. Ни тебе расчета угловой скорости движения каждого из пяти солнц, ни учета их эллипсовидного движения со взаимным гравитационным влиянием и, как следствие, колебанием орбит, ускорением и замедлением скорости перемещения по орбитам. Даже изменение температурного режима поверхности солнц учитывать не надо. Скучно. Зато есть сверкающий серебряно-пепельным изумительным холодным светом огромный спутник. Пожалуй он даже больше Второго Дополнительного Светила. Хотя нет – тот просто подальше будет.

Согласно подсчетам, Шукке провел на этой планете уже семь тысяч двести тридцать один местный Большой Период Смены Дат. Это несомненно. В таких условиях в подсчетах ошибиться просто невозможно. Таким образом, он мог провести здесь еще тысяч пятнадцать – двадцать местных периодов смены дат.

Грустно поклацывая нижней челюстью с новенькими, недавно в очередной раз сменившимися двойными-парными жевательными пластинами, Шукке подошел к отвесному склону обрыва и... исчез, словно его тут никогда и не было. Если бы в это время за Шукке кто-то наблюдал, он определенно бы был поражен и посчитал увиденного призраком. Но Шукке не был призраком. Да к тому же никто наблюдать за ним не мог. Он тщательно следил за тем, что бы рядом не околачивалось ни одного местного существа. Во всяком случае из крупных особей. Да и исчез Шукке только затем, что бы тут же возникнуть в небольшой слабоосвещенной комнате, из которой брал начало Центральный Коридор Верхнего Уровня.

Стоит, наверное, описать станцию, на которой Шукке провел даже по меркам Зар-Тенарра достаточно много времени и ставшую для него родным домом. Станция из тех небольших пересадочных пунктов, что знакомы любому, кто хоть раз предпринимал путешествие вдали от дома. Небольшая, рассчитанная на одного постоянного обитателя и на десяток – другой гостей, которые могут прожить здесь без особого комфорта довольно длительное время. Состоит из трех уровней, представляющих собой кольцеобразные извилистые коридоры с примыкавшими к их внешним стенам помещениями самого разнообразного назначения и соответ-

ствующих этому назначению размеров. В центре колец размещается энергосистема станции, питающаяся за счет магнитного поля планеты. Собственно наличие мощного магнитного поля и определило выбор планеты.

С телепортационной площадки, расположенной в нижнем уровне, можно попасть в огромный искусственный грот, сделанный нарочито грубо. Высоченные своды пещеры едва проглядывают сквозь тускло мерцающее газовое облако, стелющееся по потолку. Слабо колышущаяся пелена степенно клубится и местами вдруг начинает флуоресцировать всеми оттенками лазури. Это слабое свечение является единственным освещением подземного мира, напоминая третий, самый комфортный полдень на Зар-Тенарре, когда все прекращают работать и высыпают на улицу любоваться зацветшими склонами каньонов.

Пространство пещеры теряется впереди в сиреновом сумраке, а неровное скальное дно сплошь покрыто пульсирующими, слабо подсвеченными изнутри невысокими, но густыми голубовато-зеленоватыми зартеннарскими лесами, перемежающимися многочисленными моховыми полянами с непременно круглым озерком по центру. Озера соединены меж собой сетью тонюсеньких, но говорливых ручейков. Имелась даже небольшая извилистая речка, сверкающая искрами перекатов. Это был стандартно воссозданный в миниатюре кусочек Зар-Тенарра – непременно атрибут любой станции. Правда в этом лесу, в соответствии с теми же стандартами, не было ни единого живого существа, даже вездесущих хвостатых мохоедок. Но это ни капли не расстраивало Шуке. Он их терпеть не мог.

Ни разу, за все время, проведенное здесь Шуке не смог дойти до конца своего искусственного мирка и не знал, где лежат его пределы и есть ли они вообще. Инженерами-зодчими на сравнительно небольшой площади было искусно свернуто и упаковано само в себя практически бесконечное пространство, имитирующее кусочек Зар-Тенарра. По мере передвижения по нему, оно разворачивалось в бесконечные, неповторяющиеся дали, так же незаметно сворачиваясь где-то за спиной. Шуке словно бежал по искусственной беговой дорожке (если бы он знал, что это такое). Ты находишься почти на одном месте, а пространство обтекает тебя, берясь неизвестно откуда и неизвестно куда пропадая. Тем не менее и камни, и вода, и деревья, и мох были везде самыми настоящими. Если это и иллюзия, то самая реалистическая, самая удивительная иллюзия, которую видел зритель. Можно ли выкупаться в иллюзии, разлегшись затем в иллюзорном мягком пушистом мху и с удовольствием ощущать, как влага испаряется с твоего меха, как скучающие веточки мха льнут к тебе. Впрочем для Шуке подобные «внутренние дворы», имевшиеся в каждой усадьбе, при каждом учебном заведении, были настолько привычны и естественны, что он даже не задумывался о их природе.

Шуке мог брести вдаль не одни сутки, постоянно оказываясь в незнакомых местах. Мог, петляя по тропинкам, уходить на многие мили вглубь зарослей, пересекать леса, теряться среди скал, путаться в многочисленных небольших водоемах. Но при этом не опасаться заблудиться, ибо стоило задействовать телепортационный переход, как он оказывался там, откуда начал свое путешествие. Если же повернуть обратно пешком, неведомый электронный мозг станции разворачивал обратно все те места, по которым он прошествовал ранее. У него появились любимые трассы, особо нравившиеся ему места, в которые он погружался на несколько дней (разумеется местных) кряду.

Станция, насколько знал зритель, располагалась даже не в самом теле горы, а на значительной глубине под её подошвой, что делало её абсолютно независимой от температурных скачков на поверхности. Да и гарантировало дополнительно от возможного излишнего любопытства обитателей планеты. Некоторые удаленные друг от друга помещения соединялись меж собой телепортационными переходами. Чтобы задействовать такой переход достаточно встать в определенном месте, «платформе», никак, впрочем, ни обозначенном, и произвести строго определенный жест, являющийся ключом запуска генератора перехода и одновременно ука-

зателем пункта назначения. У каждой платформы своя комбинация жестов, не зная которых невозможно воспользоваться ею, как и узнать о самом наличии платформы.

Шуке значительно расширил имевшуюся первоначально, после строительства станции, сеть платформ, доведя её от скромных пяти штук до трех десятков. В этом не было особой необходимости, просто стало гораздо удобнее. Теперь не надо тащиться, в случае необходимости, до ближайшей платформы или добираться, куда тебе надо, по коридорам. Вообще-то о любом изменении в конструкции станции следовало сообщать по инстанциям, получая добро на это самое изменение. Однако Шуке, проштудировав все инструкции, прямого запрета на создание новых платформ не обнаружил. А главное не было сказано, в какой период следует уведомить о сделанных улучшениях. «Да может быть это и не улучшения» – хитроумно подвел итог своим размышлениям смотритель и не стал торопиться с внесением указанной информации в отчеты.

С десяток зартенаррских лет назад ему вдруг пришло указание подготовить на необычном спутнике его планеты запасную станцию, так как где-то в недрах Департамента Туризма И Освоения Внешних Территорий зародилась гениальная мысль о создании в этом районе туристических трасс. Ему переслали небольшой резервный космический корабль с крошечным катером ближнего действия на борту. Корабль остался на спутнике, а катер сам собой явился к его горе. Шуке, добравшись до спутника, принялся сооружать Гостевую Станцию. Однако вскоре пришел отбой. Что-то там изменилось. Пришли к выводу, что гениальная мысль оказалась не столь уж и гениальной. Как поступить с недостроенной станцией не сообщили. О резервном космическом корабле, чтобы не гнать его обратно, предпочли просто забыть. Шуке, более от скуки, чем от необходимости, закончил строительство, не забыв оснастить станцию телепортационной платформой, чтобы не гонять каждый раз туда и обратно катер. Упомянуть в отчетах о новой базе он так же не стал. Не то, что бы забыл или не хотел, просто не знал, как отнесутся к его инициативе по завершению строительства. «Если вспомнят и велют достроить – так вот она, готовенькая. Не надо будет начинать всё заново. А велют уничтожить недострой – так какая разница что уничтожать, половину базы или целую. Тихонько срю и всё». Шуке никогда бы никому не признался, что ему просто нравится бывать на Луне. Сведения о незавершенном строительстве, очевидно, вскоре просто затерялись в бюрократических завалах Департамента Туризма. А службе надзора за осужденными до этой станции просто не было никакого дела. Не их это проблема, что бы вешать еще и её себе на шею.

Шуке давно уже ни о чем не мечтал. Его жизненный опыт говорил – пустое это занятие. Мечтать можно о чем-то таком, что имеет возможность сбыться. Хотя бы теоретически. Мечты же Шуке никакого отношения к реальности не имели. Разум твердил о беспочвенности надежд когда либо вырваться отсюда, не говоря уж о шансах вернуться на родной Зар-Тенарр. Смотритель готов был даже тотчас переселиться на негостеприимный Утрим, самую дальнюю, четвертую, планету родной системы. Даже она, с её дикими шараханьями по орбите и невероятными температурными скачками и ужасной тектонической активностью казалась милым сердцу домом по сравнению с этим спокойным, но невероятно далеким, унылым миром. Здесь даже пустота космоса над головой казалась другой – замедленной, растянутой, сонной. За исключением центральной звезды системы ни одной более-менее близкой звезды. Все в невероятной дали – едва различимые глазом раскиданные по небосводу тысячи блестящих пятнышек. Местные обитатели, думал Шуке, даже не догадываются, что каждое это крошечное пятнышко на самом деле не меньше их ярко-желтой звезды.

С недавних пор Шуке, когда надоедало сидеть и размышлять, спускался со своей горы и путешествовал по городу. Делал он это ночами. Дневное светило, слишком яркое и жаркое для него, представляло реальную опасность для нежной кожи и глаз. Кроме того, как убедился Шуке, обитатели этого огромного муравейника очень плохо видят ночью своими маленькими глазками-щелками. Ему это оказалось на руку. Зачем лишний раз попадаться местным суще-

ствам на глаза. Кто знает, что у них в их странных головах. Днем же, если тот заставал его в пути, он отсыпался в каком-либо темном укромном уголке, обычно в подвале или на чердаке строения, которые во множестве понатыкали местные двуногие.

Строения были самых разнообразных размеров и форм, но внутри всегда разбивались на подобие сот, в которых и обитали существа. Днем они во множестве роились на покрытых чем-то твердым пространствах между жилищ, беспечно и хаотично бегая в разные стороны. Время от времени некоторые из них вдруг останавливались по двое и по трое, а иногда и целыми группами, и принимались жужжать, размахивая руками и строя гримасы. Их безобразные голые лица с еще более безобразными длинными клочками разноцветной шерсти на макушке головы в это время становились особенно отталкивающими. Они забегали в очередное строение, что бы тут же выскочить из него. Впрочем, возможно выскакивали и не те, что только что вбегали. Трудно уследить за этими энергичными существами. Одно время Шукке пришлось по душе пугать ночами местных жителей стопами и завываниями. Двуногие забавно замирали, а затем начинали испуганно оглядываться и жаться друг к дружке. Некоторые даже протяжно вопили, что особенно льстило шутнику. Небольшие четвероногие твари, жившие во множестве тут же и, судя по всему, бывшие местными паразитами, вели себя иначе. Одни из них принимались издавать хриплые отрывистые звуки и норовили ухватить Шукку своими мелкими зубами за ногу. Другие, еще более мелкие – шипели и выгибали дугой спины. Стоило цыкнуть на них, как вся их храбрость мигом испарялась и они улепетывали, смешно подкидывая заднюю свою часть. Это было крайне весело. Однако все это быстро надоело.

За двести лет таких развлечений Смотрителя станции в городе сложилась целая система легенд о таинственном мохнатом чудовище, нападавшем во мраке ночи и утаскивающим к себе в берлогу детей и женщин. Шукке об этих легендах не подозревал. Конечно же ни то, что женщины или ребенка, вообще ни одного живого существа на этой планете он не трогал. Он и питался то исключительно синтезированной пищей. Шукке вообще сомневался в наличии высокоразвитого интеллекта у какого-то из местных существ. Конечно, двуногие строили довольно сложные поселения-муравейники и были способнее многих других видов, но сам образ их жизни не давал надежды на какой-то осмысленный контакт с ними.

Шукке никогда не вёл планомерных наблюдений за состоянием планеты и её обитателями. Перед ним и не ставилось подобной задачи. Если бы кто из местных был разумен, рассуждал смотритель, их разум непременно проявил бы себя в чём-то. Они ему не мешали, и он не лез к ним. Но, как мы уже сказали, с некоторых пор Шукке начал со всё возрастающим интересом наблюдать за двуногими, свившими свои гнезда под его горой. Этот вид вдруг стал активно прогрессировать. Еще недавно они жили в небольших, перевернутых вверх дном плетенных из ветвей гнёздах. И вот уже строят свои жилища из камня. Жилища в несколько ярусов, со смотровыми отверстиями, затянутыми чем-то прозрачным. Сначала они были в два-три яруса, а затем все больше и больше. Поневоле Шукке увлекся. Ему даже показалось, что они в последние годы запускают в небо нечто вроде летающих аппаратов, громко ревуших, чадящих и оставляющих за собой явно различимый горячий след. Нет, это не местные летающие созданыца – тех Шукке хорошо изучил. Что-то искусственное. Уровня интеллекта двуногих не хватало даже для освоения сильного магнитного поля их же собственной планеты.

Глава 2. Нежданный гость

Сегодня, как обычно, отправив обязательный ежедневный отчет, Шукке сидел, задрал ноги на стол и потягивал любимый, слегка туманящий мысли, сок туке. Собственно самое сложное было не составить отчет, ибо его содержание уже многие десятилетия не менялось (приходилось менять лишь дату) а высчитать когда на Зар-Тенарре истекают очередные сутки, имевшие разную продолжительность. Если уж говорить совсем честно, то попросту не забыть об этом самом отчете. Вечер на Зар-Тенарре случался от одиннадцати до пятнадцати раз за один местный год и не удивительно, что можно было проворонить время. Ежегодно, хоть раз, Шукке умудрялся пропустить срок. И всякий раз смотритель получал от Закера втык с обещанием загнать его в самую распроклятую, распоследнюю, размерзейшую дыру. Шукке эти угрозы никогда не воспринимал всерьез, так как его станция и была той самой «распоследней» дырой, дальше которой загонять уже некуда. И вот сегодня, со вполне простительным облегчением и чувством выполненного долга Шукке допивал свой сок, собираясь затем отправиться спать, ибо и по зартенаррски, и по местному, наступило как раз самое подходящее для этого время. «Может еще плеснуть?» – лениво думал он. Но встать с кресла не хотелось. Он находился в самой что ни на есть наудобнейшей позе, когда каждая частичка тела приняла то, только ей необходимое положение, которое терять была не склонна. И что бы обратно собрать тело воедино следовало сначала собрать в кулак всю свою волю. А этого так не хотелось. Может так и задремать? Здесь. Нет. Скатишься до дикого состояния раз – не заметишь, как деградируешь до уровня местных двуногих. Надо встать. Вот сейчас. Еще минуту. От одной лишней минуты отдыха в скотину не превратишься.

Тут его сладкие мысли прервал тихий булькающий звук, раздавшийся где-то в голове. «Что такое? Вызов? Вроде же вовремя. Неужели опять что-то напутал?». Шукке мысленно трижды хмыкнул, стена напротив моргнула и перед ней возник дымчатый экран. Какие-то мгновения он сгущался, а вместе с ним сгущалась и смотрящая с него старческая морщинистая морда начальника отдела Закера. Хмуро обведя взглядом комнату, неодобрительно покосившись на задранные на стол пятки подчиненного, Закер процедил:

– Через три четверти дюжины квочов к тебе прибудет гость. Гость очень важный. Пребудет лично к тебе. Что бы был на месте. Обеспечь надлежащий сервис.

– Что за гость? – взвился Шукке, но экран уже погас.

«Это что за новости? Какой еще гость? Почему ко мне?». Сказать, что смотритель был поражен, ни сказать ничего. Те два или три раза, что к нему на станцию заявлялись посетители, его предупреждали стандартным сообщением. Видео для связи с ним использовалась крайне редко. Не велика птица, что бы тратить на него лишнюю энергию. А тут не только видео сообщение, так еще и сам Закер. И он явно озабочен. Значит действительно какая-то важная шишка. Но почему к нему? Да ещё лично? Ничего хорошего от этого визита ждать не стоило. Если бы речь шла о досрочном освобождении, его уведомили бы обычным способом. Поневолу взволнованный Шукке высчитал, что двенадцать квочов истекут как раз к местному завтрашнему полудню.

Смотритель в эту ночь так и не смог сомкнуть глаз. В желудках неприятно посасывало. Шукке настолько втянулся в свою однообразную жизнь, что ожидание малейшего изменения было в тягость. А тут – «очень важный гость». Никогда ранее никто особо не интересовался его делами. Даже Закеру не было до него дела. Лишь бы вовремя отправлялись дежурные бессмысленные отчеты. Но поразмыслив и придя к выводу, что они, в конце концов, могут ему сделать, не загонят же, действительно, еще дальше, Шукке, несколько успокоенный, уснул.

Строго в назначенное время со станции, висевшей где то невообразимо высоко над его головой на гелиостационарной орбите, поступил сигнал прибытия. Шукке поспешил к парадной

платформе. Через считанные минуты на ней материализовался невысокий, средних лет (может самую малость постарше Шуке) сквирг в плотно обтягивающем тело, голубого цвета длинно-полом форменном френче с тремя ярко красными горизонтальными полосами поперек груди и с незнакомыми Шуке знаками различия. «Дипломат» – догадался смотритель. Несколько заостренные ушки, узкие плечи, обворожительно выпуклый животик и мягкие черты лица говорили о том, что перед ним самочка. Ухоженная, но без излишеств, свойственных простолюдинкам, внешность, сквозившая в каждом движении утонченность и некий снобизм, выдавали высокородное происхождение. Она брезгливо поморщилась (воздух планеты действительно с непривычки здорово пованивал, Шуке сам долго к нему привыкал) и сухо представилась:

– Сонни-Масс-Диерр. Спецпосланник Службы Надзора.

Говорила она не размыкая плотно сжатых губ. Точнее говорила не она, а закрепленное на золотистом обруче, свободно охватывающем её шею, говорящее устройство. Это была давняя традиция аристократок Зар-Тенарра, общаться с низшими классами через электронного посредника. Заговорить самой, значило признать собеседника равным себе. Этого не позволяла высокородная спесь. Даже с равным по социальному положению самцом аристократка не начнет общаться напрямую, ставя его тем сразу на полагающееся ему место и устанавливая дистанцию (если конечно это не близкий родственник). Лишь затем, как знак особой милости, отключит обруч и заговорит сама. Этого, кстати, требовали правила приличия. Не стоило долго вести беседу с равным тебе самцом через электронного посредника, чтобы не унижить его. Последнее время, насколько помнил Шуке, подобную моду завели и простолюдинки, что являлось причиной грубых шуток среди высокородных.

Шуке приложил обе ладони к груди, правую поверх левой, едва (самую малость) согнув пальцы, выказывая тем полную покорность. Он отметил, что «спецпосланника» вряд ли можно назвать красавицей, но что-то притягательное в ней определенно есть. Может быть добродушный взгляд широко раскрытых круглых глаз? Впрочем, после стольких лет одиночества, для Шуке любая самочка с его планеты покажется обворожительной и желанной. Шуке внутренне одернул себя, обозвав деревенщиной. Госпожа Диерр, словно не замечая замешательства смотрителя, поинтересовалась тем же бесцветным искусственным голосом:

– Вы подготовили мне комнату? Я долго добиралась до Вас. Пришлось совершить больше десятка скачков. Я уж не говорю о промежуточных внутрисистемных перелетах. Хочу немного привести себя в порядок.

– Да, да. Конечно.

Шуке проводил гостью до её комнаты, тупо глядя на задвигающуюся за ней дверь. Постояв около двери еще немного, он отправился на кухню проверить пищевой синтезатор.

Гостья приходила в себя недолго. Получив сигнал, Шуке встретил её у комнаты и проводил в столовую. Леди была уже в другом, не дорожном, более легком и свободном, но также форменном, одеянии. Держалась холодновато, но Шуке показалось, что несколько раз он поймал на себе её любопытный взгляд. Впрочем взгляд этот был столь мимолетен и незаметен, что смотритель не был в нём уверен.

Весь стол заставлен невысокими узкими прямоугольными, черными с внешней стороны и мягко-оранжевыми с внутренней, керамическими тарелками-кастрюльками совершенно одинаковой ширины но различной длины; высокими стройными стаканами и щипчиками трех положенных по этикету размеров. Слева от щипчиков – маленький вспомогательный совочек. Помогать себе совочком считалось не совсем приличным, но, тем не менее все ими пользовались. Правда только после того, как завершалась начальная, официальная часть застолья. Выражение «перейти к совочку» означало перевести разговор на дружескую, непринужденную стезю. Шуке не знал, как к этому отнесется спецпосланник, но позволил эту вольность, говорящую о его гостеприимстве и заботе об удобстве гостя.

– Извините, госпожа Диерр, я не знаю Ваших предпочтений, поэтому взял на себя смелость приготовить всего понемногу. Сони-Масс-Диерр, скользнув взглядом по ряду тарелок с действительно неплохим выбором блюд, на мгновение остановила взгляд на совочках, ни чего по этому поводу не сказав, благосклонно качнула головой:

– Поверьте, я не привередлива. Не привередлива, но действительно голодна.

Какое-то время молча поглощали еду. Оказалось, что и Шуке порядком проголодался. Он выложил рядом на стоящую перед ним узкую тарелку небольшими кучками содержимого с общих блюд, ловко подхватывая их большими щипчиками. Нарезанное кубиками, кружочками, полосками самой различной величины, цвета, формы, запаха и консистенции содержимое блюд представляло всё многообразие, на которое оказался способен его старенький кухонный синтезатор. Затем, отложив большие щипчики, взял те, что поменьше. Ухватив немного того или иного (иной раз смешивая меж собой порции из отдельных кучек, перемешивая их на специальной свободной площадочке с правой стороны тарелки, но не более трех за раз), окунал получившийся комочек в одну из семи стоящих за тарелкой плошек с соусами, и с удовольствием отправлял в рот. По умению комбинировать различные ингредиенты как между собой, так и с различными соусами, можно было судить о степени культурности сотрапезника. Шуке не без причины гордился своими манерами. Гостя по-прежнему изредка бросала на Шуке оценивающие взгляды. Ему стало несколько не по себе. Очевидно она обдумывала план предстоящего разговора исходя из сделанных ею умозаключений, касающихся его персоны. Наконец, отложив щипчики и допив через плотно сжатые губы жидкость из стакана, спецпосланник стала интересоваться, как идут дела.

– А как местное население? Дружелюбно? – нёсся безразличный голос из обруча.

– Да я как то не выходил на контакт с ним. – Шуке так же отложил в сторону свои щипчики. Не вежливо продолжать есть, когда гость прекратил это делать или заговорил с тобой. – Не было такого задания, следить за местными видами.

– Да, да. Но всё же не мешает, не мешает отслеживать, что происходит на планете.

– Это что, приказ? – сидя вытянулся Смотритель.

– Пожелание. Пожелание. Совет, если хотите.

– Ладно, буду отслеживать.

Оба собеседника какое то время молчали. Госпожа Диерр словно никак не решалась начать разговор, ради которого собственно прилетела. Шуке решил придти на выручку.

– Вы уполномочены передать мне какие-то новые инструкции?

– Не то, что бы инструкции... Предупреждение. Да. Так будет вернее – предупреждение.

– Предупреждение? – заволновался Шуке, – Какое предупреждение? О чем?

Спецпосланник вновь какое-то время молчала. Затем решила:

– Понимаете ли, Смотритель, на Зар-Тенарре неспокойно. Активизировались антигосударственные элементы. Предатели. – казалось даже электронный голос задрожал от негодования.

– Так там всегда были безумцы, выступавшие против порядка. Ко мне то это какое отношение имеет? – искренне удивился Шуке.

– Да может быть и никакого. – посланник говорила словно сквозь силу, – Скорее всего никакого. Просто после принятых мер (мер, надо сказать, весьма жестких) учитывая опасность этих деструктивных, весьма немногочисленных, элементов... Так вот, после принятых мер, многие из преступников бросились в рассыпную с Зар-Тенарра. Низкие негодяи и трусы! Они боятся открыто выступить с критикой правительства и предпочитают действовать из за угла, высовываясь из различных щелей! Правительство посчитало нужным уведомить все внепланетные базы, все станции, даже такие небольшие и далёкие от трасс, как Ваша, о возможной опасности. От этих преступников можно ожидать всего чего угодно. Любой гадости! Любого

предательства! Им терять нечего. – после сказанного посланница, казалось, вздохнула с некоторым облегчением.

– Ну что скажете?

– О чем? Я не пойму, я-то тут причем. Вы сами говорите, что моя станция далека от всяких трасс. Чего им тут делать. Да я, вроде как, и сам преступник. – угрюмо проворчал Шуке, – Не считают ли уж на Зар-Тенарре, что у меня здесь зреет гнездо заговора в составе одного меня?

– Нет. Не то говоришь, смотритель. Ты не «государственный» преступник. Тебе даже доверен весьма важный пост. Ты – часть государственного аппарата. По сути, ты представляешь на этой планете наше государство. На этой планете ты и есть – Зар-Тенарр.

– Ну да! – Шуке как то никогда не думал о себе в таком разрезе. Очевидно в этом есть смысл. Он ведь действительно государственный служащий. Хоть и ссылный, но действующий.

– Так вот, как часть государственного аппарата, ты, смотритель, обязан бороться с его врагами. С врагами Зар-Тенарра. В связи с этим, повторяю еще раз вопрос, не было никого из сквиргов на этой планете? Не обращался ли кто к тебе за помощью.

– Нет. – удивленно, но решительно и чистосердечно ответил Шуке, – Никого не было, ни кто не обращался.

– Ты понял, что обязан сразу, моментально, мгновенно сообщить о всяком таком посещении по инстанциям?

– Понял. Я ж не загр.

– И принять, по возможности, меры к задержанию такого лица?

– Понял. Обещаю.

– И самому ни в коем случае не вступать с ним в дискуссии. Задержал. Изолировал. И сразу вызываешь по тревоге помощь. – подчеркивая важность этих указаний, госпожа Диерр приложила свои два длинных указательных пальца правой руки к обручу на шее, откуда раздавался её голос.

– Разумеется, разумеется. Это и так написано в Инструкции Смотрителя. Я никогда не нарушал её.

– Ну ладно. Тогда всё. – спецпосланник тут же превратилась из чванливого чиновника в женщину и, потеряв ладошки, поинтересовалась:

– Ну что там у тебя еще вкусенького найдется? Люблю экстремальную туземную кухню пробовать, знаете ли.

– Разрешите порекомендовать этот напиток. – Шуке ожидал подобной просьбы. Он осторожно приподнял с края стола кубический, синего полупрозрачного материала графинчик, с плотно пригнанной в одной из вершин пробкой, откинул её вбок и налил в стакан, плавно принявший форму его ладони и всех четырех пальцев, пузырящейся прозрачной жидкости. Затем вежливо подал стакан спецпосланнику. Она опасливо понюхала содержимое, но запах видимо понравился. – Это из местных источников. Он абсолютно безвреден, но дает удивительный эффект. Ощущения – просто божественные.

– Что это? Станный запах. Щекочущий.

– Я уж лет десять тому назад (имелись в виду, конечно, зартенаррские года) как нашел в местных горах, неподалеку от моей станции, источник с этой удивительной влагой. Совершенно случайно нашел. Можно сказать, споткнулся об него. Запах чудесный. Сделал все анализы. Сам пью его уже давно. Непередаваемые ощущения. Попробуйте. – с этими словами Шуке плеснул жидкости себе и не без удовольствия отхлебнул. Горло приятно закололо сотнями маленьких ласковых иголок.

Женщина, посмотрев на хозяина, еще раз осторожно втянув носом воздух над стаканом, благожелательно сморщила свой носик и сделала маленький аккуратный глоточек. Удовлетво-

ренно хмыкнула. Улыбка расплзлась по её круглому бархатистому личику. Еще маленький глоток. Опять «хмы». И в несколько глотков опорожнила сосуд.

– Однако! Действительно замечательно тонкий вкус. Ещё можно? – спецпосланник интересовалась не разрешением Шуке, а его мнением о безопасности напитка.

Шуке тут же плеснул спецпосланнику, не забыв и себя. Он не посчитал нужным предупредить гостью, что кроме замечательного вкуса и аромата эта минерализованная пузырящаяся вода оказывает на организм сквирга кратковременный, но сильный опьяняющий эффект. Опьянение порождало веселость и легкость во всем теле. Вскоре мысли начинали путаться и приятно клубиться в голове. Через час-другой эффект проходил, не оставляя после себя никаких отрицательных последствий. За исключением, разве что того, что плохо помнишь о том, что говорил и что делал в период опьянения. Но у Шуке не было никаких тайных замыслов. Он лишь пытался угодить гостье, доставить ей удовольствие. Это обязанность любого хозяина. Её поведение действительно вскоре стало весьма раскованным, чуть даже переливая за грань дозволенного и приличествующего её рангу. Речь текла свободнее, мысли откровеннее. Леди провела кончиком пальца вдоль обруча, отключая его, и заговорила сама. Голос женщины показался Шуке милым, журчащим словно ручеек. Впрочем, в таком состоянии даже голос старого Закера показался бы ему соблазнительным и ласковым.

– Ты вот что, милейший мой Шуке. Не думай, что я чего-то там плохого тебе хочу. Нет. – язык госпожи Диерр с трудом слушался хозяйку, – Ты мне где-то даже симпатичен. Точно симпатичен. Ты вот что... Имей в виду... – женщина, сбившись с мыслей, попыталась собрать их обратно, в кучку, – О чем это я?

– О том, – весело ответил Шуке, подливая гостье из мерцавшего насыщенно синевой графина, – Чтобы я... Чтобы я... имел... имел...

– Да-а-а-а... – спецпосланник захихикала. Её щеки покрылись зеленоватыми пятнышками. Короткая шерстка по-девичьи встопорщилась. Она была очень, очень мила. – Да. Ты, добрый мой Шуке, знаешь ли некоего Стерр Квойлла?

– Это из каких Квойллов? Из Второго Приморского Форта?

– Да. Из тех.

– Ну как же, как же. Мне бы его не знать! Он же мой двоюродный брат. Я ведь тоже из Квойллов. Наши матери были родными сестрами. Знали бы Вы, как мы дрались в детстве друг с другом.

– Так вот! – спецпосланник тщетно пыталась сосредоточить взгляд разбегающихся в стороны глаз на лице смотрящего, – Так вот! Этот самый Стерр Квойлл, с которым Вы, милый мой Шуке, дрались... – она захихикала, – Так вот, он бежал с Зар-Тенарра! – женщина вытянула перед лицом Шуке ладонь с растопыренными пальцами, два больших влево, два других вправо.

– Бежал? Зачем? – смысл разговора не доходил до Шуке. Он как бы следил в пол уха за разговором, ведшимся за соседним столиком, – Куда бежал? – он услышал свой скрипучий смешок.

Леди Диерр повернула ладонь с растопыренными пальцами к себе, с удивлением вздрившись на неё, пока не поняла, что это именно её ладонь, а не чья-то еще. Успокоившись на этот счет, она быстро зачастила:

– Так вот... Бежал он... судя по всему... сюда. И может быть... к тебе. И ты должен нам о нем сказать... если видел его. Понял?

– Понял? – Шуке потряс головой. – Не-е-е... Нет его здесь. Я бы его узнал, конечно. Да и зачем ему бежать сюда?

Гостья, сфокусировав, наконец, на его лице свой взгляд, кивнула:

– Ну тогда ладно. Тогда ладно. Ладно. Но учти... – ладонь с четырьмя пальцами снова повисла между ними, – Учти... Ни-ни. Никому ни слова!

– Да кому ж я тут расскажу? – удивился и даже обиделся Шуке.

– Если что, учти. Предупредила! Это очень, очень, очень серьезно. Очень! Очень! Это касается безопасности государства. И если ты не сообщишь по инстанции... Очень плохо будет. В первую очередь тебе.

Они еще какое-то время о чем-то беседовали, но смысл дальнейшей беседы совсем ускользал из затуманенных голов. В конце концов оба погрузились в блаженную дрему. Очнулись разом, ощущая приятную легкость и небольшую усталость. Последняя часть разговора почти изгладилась из головы зрителя. В голове же гости, учитывая, что для нее напиток был внове, кажется и вообще стерся из памяти. Она легко встала. Попыталась что то сказать, но обруч молчал. Госпожа Диерр удивленно провела по нему пальцем и тот своим оловянным голосом произнес:

– Проводи меня до моей комнаты, Смотритель.

У раскрывшейся двери спецпосланник повернулась к Шукке и посмотрела ему в глаза. Казалось, она силилась вспомнить что-то. Очевидно подозревала, что наговорила лишнего. А вот чего лишнего – припомнить не могла. Затем мысленно махнув рукой, провела оценивающим взглядом снизу вверх по фигуре Шукке, вновь остановившись на лице.

– Заходи! – велела, отступив в сторону и пропуская Шукке в комнату. В этом не было ничего удивительного. На Зар-Тенарре любая аристократка (а Сонни-Масс-Диерр вне всякого сомнения аристократка. Об этом говорило все её поведение), любая аристократка имела право на любого мужчину. Отказать ей – означало нанести смертельное оскорбление и навлечь на себя кучу неприятностей. Шукке даже не пришлось этого в голову. Он лишь волновался, что из-за длительного отсутствия практики может оказаться не на высоте, не исполнив долг мужчины и хозяина. Но когда через полтора квоха Шукке выходил из комнаты, по благожелательному поведению гости понял, что с поставленной задачей справился вполне успешно.

Утром, позавтракав, спецпосланник пожелала перед дорогой еще раз уединиться с Шукке, после чего, потрепав его по щеке, усталая, но удовлетворенная проделанной работой, встала на парадную платформу и исчезла. Через непродолжительное время с орбитальной станции поступил сигнал о её отбытии.

Глава 3. Побег

После отъезда спецпосланника Шукке облегченно вздохнул. Он честно исполнил обязанности доброго хозяина и ответственного подчиненного. Судя по всему и высокая гостья осталась вполне довольна результатами миссии. Но вскоре Шукке начали одолевать некие, неясные еще, но ядовитые предчувствия. Они скреблись в мозгу, отравляя душевное спокойствие, не давая покоя. Он давно отвык так много рассуждать. От непривычной нагрузки кружилась голова. Шукке выкидывал настырные мысли из головы, но те, сделав вид, что смирились, в самый неожиданный момент вновь исподтишка вползали в мозг. И чем дольше он размышлял, тем дальше уводила цепочка логических умозаключений. Мысли становились все тревожнее и тревожнее, принимая порой какой-то угрожающий, пугающий, ужасающий масштаб. Теперь, как он не пытался отогнать их от себя, каюсь в излишней мнительности, чувство неуверенности всё сильнее охватывало его. Из памяти понемногу принялись всплывать те части разговора со спецпосланником, что до сей поры скрывались за туманной пеленой опьянения.

Действительно – ни с того, ни с сего прилетает некий проверяющий. Причем проверяющий самого что ни на есть наивысшего ранга, что само по себе не то чтобы необычно. Шукке раньше о таком вообще не приходилось слышать. Выше «спецпосланника» только «министр по особым поручениям», совершающий межгосударственные межпланетные визиты. Правительственные же спецпосланники посещали объекты не ниже Внепланетных Гуманитарных Баз Вторжения с многотысячным вооруженным персоналом агрессоров-освободителей. И то только в самых крайних случаях. Перед освободительной оккупацией там, или планирующимся церемониальным посещением базы кого-либо из Верховных Особ. Не собирается же в самом деле пожаловать к нему одна из Соправительниц?

А тут, спецпосланник на какую-то самую что ни на есть заштатную станцию с персоналом в одного ссылного смотрителя! При этом проверяющий фактически ничего не проверяет, ни чем, связанным с функционированием станции, не интересуется. Не интересуется вообще ничем. И он здесь – не пролетом! Именно к нему – отверженному осужденному Шукке! А ведь он даже не из семьи аристократов, поражен судом во всех гражданских правах с запрещением без особого дозволения возврата на родную планету.

Спецпосланник вместо проверки работы станции ведет непонятные туманные разговоры. Сообщает о некоем бунте (будто это первый бунт на Зар-Тенарре, что бы ради него посещать всех смотрителей всех станций!). О его двоюродном брате с чего-то заговорила. Да кого вообще могут интересовать дела его брата? Пусть он даже трижды преступник. Пусть даже натворил на Зар-Тенарре делов. Причем тут Шукке? Его-то это каким боком касается? Он с Терром почти и не общался никогда. Тот заметно старше его. Погоди-ка, что она там говорила? Шукке наморщил лоб. Его брат – опасный преступник... Сбежал с планеты от заслуженного наказания... Подозревают, что возможно сбежал на эту планету... Нельзя давать ему убежища и даже общаться с ним... Да при чем тут он то? Это дело спецслужб. А он всего лишь смотритель. С чего Терра зайвится к нему? Он же понимает, что в первую очередь искать будут именно у родственников. А Терра, насколько помнил Шукке, дураком не был.

Впрочем и сам Шукке не был глупцом. Нет. Напротив, коэффициент его интеллекта намного превышал уровень развития среднего сквирга. Во всяком случае, так было во времена учебы в университете. Помнится, ему прочили карьеру ученого. Если б не плебейское происхождение отца (которого Шукке, впрочем, никогда не знал, но много слышал от матери и тёток), мог бы стать и неплохим дипломатом. Вряд ли с тех пор он сильно поглупел. Шукке отчетливо распознал подтекст, что был скрыт за, казалось бы, самыми участливыми словами спецпосланника. Это была угроза. Угроза явная и, исходя из того, кто и в какой форме её донес до него, угроза небезосновательная. Причем угроза, исходящая не от самой госпожи Диерр,

а переданная ему по чьему-то поручению сверху. Кто мог дать такое поручение спецпосланнику? Даже голова кружилась от одного предположения – кто бы это мог быть. Сама же она настроена в отношении него, судя по всему, вполне благожелательно.

Да. Сони Диерр сообщила ему или слишком мало, или слишком много. Однако из-за одного предположения, что двоюродный брат может встретиться с ним, пусть даже этот двоюродный брат – самый наипаснейший преступник, спецпосланников не посылают. Те, кто послал к нему госпожу Диерр, опасаются встречи Терра именно с ним, смотрителем Малой Станции Аварийной Посадки Класса 12С, Шукке.

Глупость какая-то получается. С чего Правительству так опасаться его брата. Стоп! А брата ли его опасается Правительство? Шукке аж пробил холодный пот. Не его брата опасается Правительство! Правительство опасается ЕГО!! Шукке!!! Его брат может сказать ЕМУ, Шукке, что-то такое, что сделает его самого опасным преступником. Государственным преступником. Смертельно опасным для кого-то в правящей верхушке преступником! Причем настолько опасным, что государство не остановится ни перед чем. Шукке завертел головой. Разношенный воротничок старенького френча вдруг стал ему мал, сдавив обручем горло. Да нет! Это полный бред! Он ведь даже политикой никогда не интересовался. Никогда не лез ни в какие разборки, ни в какие склоки. Даже в буйные студенческие годы. Он не имел никаких амбиций. И все прекрасно это знают. Чепуха получается. Полная.

Несколько дней Шукке занимался текущими делами и его даже перестали одолевать тревожные думы. Может спецпосланник вертела какими то своими делишками и посещение отдаленной станции являлось лишь их прикрытием? А попав сюда, что бы разогнать дорожную скуку решила позабавиться над смотрителем-деревенщиной? Наверное так оно и было. И зря он волнуется. Это же самое логичное объяснение. Мало ли что там могло придти в голову чиновникам в правительстве. Шукке совсем убедил себя в этой новой, такой удобной, такой успокаивающей версии.

На пятнадцатую или шестнадцатую (местную) ночь после отбытия спецпосланника, Шукке как обычно сидел на излюбленном месте, на склоне горы и предавался ленивым размышлениям. Вдруг, словно молния, в голове сверкнула мысль, разом перечеркнувшая прочие! Посланник под конец, прежде чем впасть в вызванный опьянением ступор, пробормотала: «Проблему придется устранить самым решительным образом... Самым... Решительным...». Такого не говорят, не желая высказать угрозу. Ведь известно: «трезвый ум думает, пьяный ум говорит». Значит угроза все таки была? И спецпосланник прибыла все таки именно к нему. «Устранить проблему самым решительным образом!» Что это значит? Не надо лукавить с самим собой, Шукке. Не надо пытаться обмануть самого себя. Это значит – попросту заставить его и его брата замолчать! Исчезнуть!! Исчезнуть совсем!!! Как это сделать? Да проще простого. Был какой-то смотритель на какой-то малюсенькой станции на дикой отдаленной планетке. И исчез. Куда исчез? Был неосторожен и местная фауна сожрала его. Сам виноват. Думаю, таких исчезновений каждый год десятки, а то и сотни, по всей галактике. И никто пропавших особенно не ищет. Кому до них дело. Просто присылают на освободившееся место нового смотрителя и вся недолга. Шукке задрожал.

Да не пойдут они на это!

А, собственно, почему не пойдут? Кто не пойдет? Правительство? Шукке даже фыркнул. Правительство пойдет на всё! Если он действительно вдруг стал представлять для кого-то проблему – еще как пойдут. Подождут, когда Терра заявится, и обоих разом накроют. Нет уж, лучше пусть Терра не появляется.

И тут новая мысль, еще более страшная, еще более логичная и беспощадная пришла в его голову. А вдруг кто-то там, в Правительстве, догадается – зачем доводить дело до опасной черты, когда проблему можно решить в зародыше, до того, как она станет явной угрозой? Он один, на отдалённой станции, где с ним в любой момент может случиться несчастный случай... Судя по тому, что к нему посчитали возможным прислать спецпосланника, пока такая мысль не овладела тамошними головами. Но только пока. И придти она может со дня на день. Может уже пришла! Может уже отдан соответствующий приказ и кто-то торопиться сюда, к нему, спеша исполнить сановную волю.

Короткая густая шёрстка по всему телу зашевелилась, словно в ней разом завелись тысячи мелких паразитов. Неужели такое возможно? Почему нет? Ведь еще несколько дней тому назад он посчитал бы вероятность посещения его чиновником столь высокого уровня менее чем нулевой. Если бы кто ему сказал, что его посетит спецпосланник, Шуке рассмеялся бы в ответ. Тем не менее это произошло.

Что делать? Покорно ждать? Чего ждать? Чего делать? Бежать? Куда бежать? Нет, Шуке хоть и был всего лишь зрителем небольшой заштатной станции, но в уме и рассудительности ему не отказать. Оставался еще вопрос, самый непонятный и неразрешимый – а кому и чем он вообще мог помешать? Ну не из-за той же дыры в самом деле. Тогда из-за чего еще? Не из-за чего больше, получается. Эти мысли порой успокаивали его. Но ненадолго.

Вскоре он начал ощущать грядущую ему опасность настолько явно, настолько красочно, словно уже видел занесенное над ним орудие убийства.

Когда через три с небольшим дюжины местных дней (дюжиной я называю их для удобства, ибо на Зар-Тенарре принята шестнадцатиричная система счета. Таким образом, когда я говорю о зартенаррской дюжине, подразумеваю число шестнадцать), так вот, через три с небольшим дюжины дней, которыми Шуке привык отмерять время в рамках одного года, вновь поступило сообщение о предстоящем прибытии визитеров. На этот раз сразу двоих. Зритель подсознательно ждал этой новости и ничуть ей не удивился. Напротив – наступила хоть какая-то определенность. На этот раз он должен встретить земляков на искусственном спутнике, постоянно висевшем где-то на невероятной высоте прямоком над его горой. Закер, сообщая новость, был хмур и немногословен, старательно избегая смотреть в глаза подчиненному. Его, кажется, удивило то спокойствие, с которым изгнанник отнесся к этой новости. Удивило и, возможно, насторожило.

Шуке вошел в небольшую, овальную в плане комнату, в которой, в отличие от прочих, свет автоматически не включился. Бледное сероватое сияние лениво струилось из-под выпуклой прозрачной крышки, накрывавшей нечто вроде вытянутой овальной ванны, занимавшей значительную часть помещения. Подойдя ближе, зритель в раздумье уставился на что-то, еле видневшееся сквозь клубящийся внутри камеры густой молочный туман. С первого взгляда и не разобрать – жидкость то или газ. Присмотревшись, можно различить голое тело местного двуногого. Голое не столько из-за полного отсутствия какой либо одежды, сколько из-за отсутствия какого либо растительного покрова на теле. За неимением трех – четырех мест, где растительность хоть и была клочками, но редкая и непропорциональной длины. Зрителя даже передернуло от отвращения. Он никак не мог привыкнуть к виду этой бледной влажноватой кожи. В расположенном под горой поселении двуногие все-таки, очевидно осознавая своё уродство, прикрывали эту постыдную сверхнаготу одеждой, сшитой порой весьма искусно.

Тело было полностью готово еще полдюжины дней назад. Его изготовление не составило труда. За несколько ночных вылазок Шуке смог досконально, с помощью портативного анализатора изучить целый ряд мужских особей, погружая предварительно в сон и облепляя их датчиками. Затем введенная в несколько перенастроенный синтезатор программа тщательно

воспроизвела тело двуногого, которое оказалось принципиально не так уж и отлично от тела сквирга. Вполне логично Шуке рассудил, что если и стоит перемещать свой разум в какое-то иное тело, так только в тело существа, отчасти наделенного разумом. Правда эти двуногие в последние годы все больше и больше страдали гипертрофированным самомнением, в порыве своего безумия изменяя под свои нужды окружающую среду, не сообразуясь с надобностями и естественными законами местной природы. Этот вид абсолютно не склонен считаться с нуждами прочих обитателей планеты, как живых, так и неодушевленных.

Шуке лично отбирал лицо своего будущего носителя из множества просмотренных им возможных вариантов, остановившись в конце концов на одной бородатой особи. Без растительности на лице вряд ли кто из двуногих найдет явное сходство с существующей личностью, если она даже окажется широко известной среди населения города.

Однако в строение тела двуногого были внесены определенные коррективы. Это касалось в первую очередь нервной системы и головного мозга, который должен был, имея структуру мозга существа, тем не менее остаться в основе своей мозгом сквирга, способным воспринять запись личности Шуке, совместив её с подсознанием землянина, ответственным за все функции жизнедеятельности организма. И при этом остаться работоспособным. Вдоль позвоночного столба вплетена целая сеть биочипов, интегрированных между собой и с нервной системой существа, призванных усиливать природные способности как самого двуногого, так и придавая его телу и разуму способности жителя Зар-Тенарра. Смотритель предварительно тщательно заблокировал действие некоторых биочипов, несколько потеряв при этом, но зато полностью исключив возможность отследить его с помощью аппаратуры поиска. Пришлось пожертвовать системой удаленной связи, оставив лишь возможность связи на расстоянии не более десятка шагов.

Последние несколько дней шел длительный сложный процесс загрузки личности Шуке с матрицы-кристалла в мозг двуногого. Этот процесс ни в коем случае нельзя ускорить, тем более приостановить, не рискуя получить в результате элементарного идиота. Смотритель, проявляя понятное нетерпение и испытывая вполне простительное чувство страха, удостоверился, что к вечеру загрузка будет завершена, отправился готовиться. Сегодня ночью он покинет станцию. Станцию, столь опостылевшую за долгие годы и вдруг, неожиданно, по мере приближения назначенного часа, становившуюся ему всё ближе и милее. Казалось, он вживую отрывает от себя часть тела.

Шуке собрал в небольшую сумку (позаимствованную им в городе) самое необходимое. Хотел взять и портативный пищевой синтезатор, да вовремя вспомнил, что вряд ли теперь, в новом теле, он ему стодится. Последний раз поужинав без всякого удовольствия и без необходимости для его нового будущего тела, прихватив сумку и охапку одежды, Шуке отправился в уже знакомую нам комнату.

Войдя в помещение, сложил принесенное на стол. Подошел к ванной, замысловатым пассом руки вызвал экран с информацией. Убедился, что загрузка прошла успешно. Кивком головы заставил экран раствориться в воздухе. Словно во сне стащил с себя всю одежду. Как страшно! Ах, вчера еще он ненавидел этот ношенный форменный сюртук смотрителя и как теперь он казался дорог ему! Волны ужаса пробежали по телу. Пальцы тряслись. Ноги подгибаются в коленях. Так хочется повернуть назад. Но там, позади, верная смерть. Нет! Только вперед!

За первой ванной стоит вторая, несколько иной формы и размером побольше. Стараясь не обращать внимание на оглушительные двойные щелчки сердца, Шуке влез в неё. Нажал на рычаг сбоку, отдернув руку внутрь. Его накрыло прозрачным куполом. Зашелестели прохладные струйки белёсого газа. Они упруго ударили в тело. Шуке, потеряв остатки самообла-

дания, выкинул вперед руки, попытавшись скинуть колпак. В следующее мгновение руки подломились и бессильно опали. Тело, обмякнув, распласталось по скользкому дну.

Как емкость медленно наполняется слегка пузырящейся зеленоватой едкой жидкостью, зритель уже не видел. Не ощущал и того, как тело его стало вдруг таять, словно кусок рафинада в стакане кипятка. В нём уже не было жизни.

Едва заполнив ванну до краев, густая склизкая жидкость тут же принялась быстро стекать сквозь невидимые сверху отверстия. Она уже не пузырилась. Через пару минут ванна оказалась совершенно пуста.

Спустя час тишину полумрака расплескало тонкое змеиное шипение. Сквозь приоткрывшиеся щели из первой ванны сбрасывался избыток газа. Просветлевший колпак на мгновение задрожал, заметно истончился и исчез, лопнув мыльным пузырьком. Голое скользкое тело двуногого завибрировало. Скрючились пальцы на правой руке. Затем на левой. По бледному безволосому торсу волной пробежала судорога. И всё. Тело опять неподвижно. Только приглядевшись можно заметить легкое вздымание груди и пульсирующую венку на левом виске. Тело жило.

Прошло десять минут, двадцать. Дыхание становится более явным и частым. Поверхность кожи обсохла и не кажется уже такой отвратительно склизкой. Наконец веки дрогнули и приподнялись. Голубые глаза удивленно смотрят перед собой. Существо не осознавало, кто оно и где находится. Но личность Шуке в нем уже пробуждалась. Да, это он. Жив! Слава Высшему Разуму! Шуке резко садится и тут же с непривычки падает обратно навзничь. Вновь пытается сесть. Лоб больно стучается о колени. Тело непослушно. Голова гудит и мотается из стороны в сторону. Существо подтягивается, садится на край ванны. По одной перекидывает ноги наружу. Опирается о пол. Встает на удивительно маленькие узкие ступни. Ноги подгибаются. Начинает заваливаться на бок. Хватается коротенькими тонкими пальцами рук за края ванны, опираясь на нее. Всё чужое. Всё непослушное. Сердце стучит незнакомо – глухо и замедленно. Однократно.

Зритель понемногу приходит в себя. Вокруг сплошной мрак. Да нет, Шуке догадывается открыть глаза. Темно, но не так сильно. Стены комнаты еле различимы. Впечатление такое, словно пока Шуке находился в забытии, кто-то поменял всё вокруг, изменил форму предметов, притушил свет, перекрасил стены. Клацнул отвисшей челюстью. Провел языком. Полный рот непривычно мелких зубов. Поднес ладонь к лицу. Целых пять коротеньких пальцев с прозрачными плоскими коготками на концах! Из них только один противопоставлен всем остальным! Сжал пальцы в забавный белёсый кулачок. Шуке качнул головой, и она почти упала на бок, на высокое костистое плечо. Усилиями мышц шеи подхватил и выпрямил её. Она качнулась в другую сторону.

Наконец сознание зрителя окончательно взяло тело двуногого под контроль. Шуке стоит на подрагивающих ногах. Округлые коленки трясет мелкая дрожь. Делает шаг, другой. Всё не так скверно. Голый живот и коленки под ними смешили. Исследовал тело руками. Чувствительность в норме. Вот и обоняние появилось. Запах странный. Чем это пахнет? Да нет же, это обычный запах его станции. Просто нос чужой. Хотя почему чужой? Это теперь его нос. Шуке прошелся по комнате туда – сюда. Тело все лучше слушается. Присел несколько раз, подпрыгнул. Удивительно, но отличий в восприятии тела и управлении им гораздо меньше чем он ожидал. Почти никаких. Прохладно как то. Неужели испортилась система кондиционирования. Этого быть не может. Да какая там система! У него же сейчас голое тело. Шуке нашел на столе охапку одежды и принялся неуклюже натягивать на себя. Он специально исследовал, какую одежду и как носят местные и тщательно отбирал её, что бы не выделяться в толпе двуногих. Трусы, носки, футболка, рубашка, брюки, мягкие ботинки, пиджак. Часть своих вещей

Шуке рассовал по карманам, подивившись, что сквирги так и не додумались до такого простого и удобного устройства. Повесил на плечо сумку – очень похожую на те, что носят у них.

Мельком глянул на вторую ванну, смотреть на которую до сих пор избегал. Боялся увидеть свое бездыханное тело. Но она давно уже пуста и совершенно чиста. Шуке шагнул к выходу. Остановился. Его прошиб холодный пот. Он чуть не забыл кристалл с записанной на нем своей личностью. Вытащив его из устройства, тщательно спрятал в контейнер, висевший на крепком синтетическом шнуре на шее. Вот теперь пожалуй всё. Пора уходить. Скоро должны пожаловать его предполагаемые палачи.

Еще один неприятный момент Шуке пережил, подойдя к телепортационной площадке. Почему он не подумал об этом раньше? А вдруг переход не примет его в новом теле? Но нет, переход сработал вполне штатно. И вот Шуке уже спускается вниз по склону. Ноги, обутые в ботинки, непривычно скользят по гравию. Хорошо, что еще ночь. Необходимо до наступления жаркого ослепляющего дня найти себе надежное убежище.

Глава 4. Невольный спаситель

Яркое солнце слепит глаза. Шукке успокаивает себя: глаза в его нынешнем теле – часть местного организма, идеально приспособленного для проживания в сложнейших условиях, царящих на этой негостеприимной планете. Следовательно никакого вреда ему яркий свет не причинит. А ощущение дискомфорта скоро должно пройти. Уж если двуногие смогли приспособиться, то и он, с его несоизмеримо более мощным и гибким интеллектом, сможет.

Действительно, уже спустившись к самой подошве горы и подходя к крайним строениям поселения, смотритель совершенно освоился и с управлением телом, и с получаемыми извне раздражителями – непривычными запахами, резкими звуками, слепящим глаза светом. Увидев первых двуногих, Шукке едва не сделал попытку спрятаться, но вовремя осознал, что он теперь с виду точно такой же, как они. От него никто не шарахнулся, никто не закричал от испуга. Его словно не заметили. «Как это я удачно подобрал параметры тела» – самодовольно рассуждал Шукке. Пока, во всяком случае, всё складывалось весьма успешно. Людей с каждой минутой прибавлялось. Но все какие-то хмурые и угрюмые. Шли, не обращая друг на друга ровно никакого внимания. «Утро» – догадался Шукке. Он и сам по утрам не склонен ощущать себя счастливым. Мысль о схожести хоть в чем-то сквиргов и двуногих неожиданно пришлась по душе. В какой-то момент он даже пережил нечто, похожее на эйфорию от давно забытого ощущения сопричастности к многоликой толпе себе подобных. Даже если это толпа недалеких звероподобных плешивых инопланетян. «Кто бы говорил о плешивых?» горько думал беглец, в очередной раз безразлично косясь на кисти своих рук.

Долго еще Шукке бродил по улицам, достаточно знакомым ему, так как ранее он неоднократно бывал здесь. Правда лишь ночами, потому многое казалось новым и необычным. Он знал, что население города весьма многочисленно, но реальное количество двуногих оголошало. Не только количеством, но и их непредсказуемым поведением и суетливостью. Одно дело – наблюдать со стороны, совсем другое – слившись в единый, колышущийся от избытка энергии ком. Очень скоро смотритель поддался общему безумию и носился вслед за толпой туда – сюда. Забегал в какие-то сооружения, где происходили незнакомые и непонятные Шукке процессы. Взяв себя в руки, попытался остановиться и несколько абстрагироваться от заразного влияния. Втянувшись с очередной партией в большую просторную искусственную нору с полностью прозрачной стеной слева, Шукке обратил внимание – некоторые из двуногих передают что-то другим двуногим, стоящим за перегородкой. Взамен получают самые разнообразные предметы. Шукке не мог понять, в чем смысл обмена. Он уже целенаправленно заходил в подобные заведения. В результате проведенных исследований установил – среди передаваемого в ответ чаще попадалась продукты питания. Многие, получив упаковку, тут же раскрывали ее и начинали понемногу откусывать от содержимого, либо отхлебывать разноцветные жидкости из различных по размеру и форме сосудов.

Понятно. Теперь следует разобраться с тем, на что все это обменивается. Пристроившись неподалеку от одного из существ, стоящих за перегородкой, принялся за ним наблюдать. Вот к нему подошла женская особь. За её верхнюю конечность держится особь поменьше и пронзительно пищит. Шукке не сразу сообразил, что понимает каждое слово. Очевидно знание языка перешло с базовой информацией, сохраненной в подсознании синтезированного существа и теперь понемногу всплывает из него, вливаясь в его интеллект. «Дай, мама, дай!» кричало мелкое существо. Самка вытащила из сумки другую сумочку, поменьше, расстегнула её, извлекла несколько блеклых цветных бумажек и металлических кружочков. Передала все это терпеливо ожидавшему двуногому, негромко буркнув что-то. Тот, в свою очередь, спрятал полученное, пошарил под прилавком, достал оттуда и разложил перед самкой несколько

пакетов и коробочек. Самка сложила все это в большую сумку, сунув один из пакетиков хны-кающему детенышу. Детеныш мгновенно замолк, ловко надорвал пакет и принялся выуживать по одной резко, но довольно приятно пахнущие бурые пластинки, запихивая их в рот и умиротворенно чавкая. Шуке почувствовал, как у него что-то зашевелилось в животе.

Вслед за самкой с детенышем к двуногому подходили еще несколько самок и самцов. Вся процедура повторялась, различаясь только величиной, количеством и цветом получаемого. При этом особь за прилавком всегда получала только бумажки и кружочки. Шуке заметил, что в обмен двуногий за прилавком не просто передает первые попавшиеся коробочки. Ему явно говорили, что надо передать и всегда получали именно требуемое. Один раз подошедший самец спросил о чем то, но, получив отказ, отошел явно раздосадованный. Это утвердило исследователя в мысли, что в подобных помещениях производится выдача именно того, в чем в данный момент двуногое испытывает нужду. Шуке вспомнил, что вместе с другими непонятными предметами он извлекал из карманов обследовавшихся им особей такие же точно бумажки. Они были у каждого без исключения. Причем у кого-то всего несколько штук, у кого-то в изрядном количестве. Все их Шуке предусмотрительно сберег – раз двуногие обязательно имели их при себе, значит это постоянно необходимый атрибут их повседневной жизни. Их набралось у него восемь с четвертью дюжин. Правда, для чего они нужны, понять казалось невозможным. Теперь же, кажется, ответ найден. Он отошел в сторону и открыл внутренний кармашек, имевшийся в его сумке (ему очень нравилась эта процедура). Выудив одну бумажку, затем, подумав, вторую, подошел к прилавку, выжидая, когда перед ним никого не окажется. Здесь решимость Шуке покинула его.

– Вам чего? – довольно любезно, но не вполне искренне, как-то искусственно, поинтересовался двуногий. Смотритель протянул зажатые в кулаке бумажки.

– Что Вам надо? Чего купить то хотите? – в голосе двуногого появились нотки раздражения. За Шуке уже начал скапливаться народ. Некоторые с любопытством поглядывали на него. Шуке ткнул пальцем в небольшой пакет, лежавший на полке за спиной существа. Именно такой достался маленькой особи. Обменщик кивнул и, подхватив пакет, положил на стол перед собой:

– Еще что? – вопрос без явной заинтересованности в ответе. Шуке еще раз ткнул в тот же пакет.

– Два? Так бы сразу и сказал. – и еще один пакет брякнулся перед Шуке, – Еще один? – интонация не раздраженная, скорее насмешливая. Шуке, поколебавшись, ткнул в большую прозрачную бутылку с зеленоватой жидкостью.

– Немой, что ли? – не вполне вежливо поинтересовался двуногий, но бутылку подал, – Всё?

Шуке кивнул. Двуногий взял у него из рук одну бумажку, тут же выдал взамен несколько металлических кругляшей, слегка различающихся диаметром и весом. Смотритель, схватив их, облегченно выскочил наружу. Он был крайне доволен собой. Первый опыт общения удался! Найдя небольшую площадку, засаженную растительностью с разбросанными среди нее длинными сиденьями со спинками, Шуке уселся. Сидеть в новом теле оказалось вполне удобно. Только здесь он почувствовал, насколько сильно устал и проголодался. Быстро разобравшись с тем, как вскрываются приобретенные емкости, Шуке принялся обедать, попутно, морща нос, поглядывая на свои голые пальцы-огрызки. Он не опасался незнакомой еды, так как доставшийся ему организм приспособлен к её приему. И сухие ломкие желтые солоноватые пластинки и пузырящаяся, отдающая в нос жидкость, оказались неожиданно вкусны. Единственно – жидкость могла бы быть не столь сладкой. Но очевидно здесь такие вкусы. Съев содержимое одного пакета, второй, вздохнув, распечатывать не стал, сунул в сумку. Жидкость он продолжал отхлебывать из сосуда с прогибающимися под пальцами прозрачными боками мелкими глоточками, стараясь растянуть удовольствие. Не так все плохо пока складывается.

Жить в новом теле вполне можно. Шуке почувствовал, как помимо воли начинают закрываться глаза. Тело охватила приятная расслабленность. Хотелось спать. Он тряхнул головой. Уши привычно не дрогнули. Лишнее напоминание о чужом теле и чужой среде.

Надо подумать, разобраться, спланировать. И так – понятно, что бумажки и металлические кружочки – форма оплаты за получаемый товар. При всем том товар выдается конкретному гражданину не по графику и разрядке, а тот и столько, какой и сколько выбирает и желает получить сама особь! Необычно и крайне непрактично с государственной точки зрения. Глупо и с точки зрения лояльного подданного. Лишняя, ничем не оправданная роскошь. Этак любой будет брать то и столько, чего и сколько ему заблагорассудится! К чему же это может привести? К спорам и разобщенности. К нарушению налаженного порядка. К краху общества. Если не регулировать процесс потребления, все переругаются. Каждый захочет иметь больше того, чего ему положено.

Хотя... а откуда берутся эти самые бумажки и кружочки? Ведь где-то плешивые двуногие их должны брать? Может быть их то как раз и раздают в соответствии с некими правилами? Надо будет разобраться. Что он станет есть, когда его бумажки закончатся?

Если подумать, некая форма оплата существует и на Зар-Тенарре, только там происходит ментальная форма расчета. Получая на складе товар, сквирг мысленно переводит со своего счета на счет кладовщика определенную сумму баллов. Никакого физического подтверждения совершаемая сделка и сопровождающий её расчет не требуют. Никто, кроме владельца счета, не может получить к нему доступ через узловые ментальные станции и распорядиться ими. Пополнение же счета баллами происходит в соответствии с периодическими распределениями всеобщей прибыли рода и зависит лишь от занимаемого положения в обществе и благорасположенности Старшей Матери Рода. Да и количество, и перечень положенного каждому сквиргу товара строго определено. Его номенклатура зависит от социального статуса личности. Никаких споров – ты всегда знаешь, на сколько и чего можешь претендовать в любой момент времени. Каждый уверен, что о нем проявят заботу. Гражданин, в свою очередь, может забрать всё причитающееся ему за определенный период времени сразу, либо растянуть, отхватывая по кусочку и создавая на складе личный запас. К примеру, для намечающегося праздничного застолья с коллегами по работе или обязательного полугодичного подарка главе клана. Как все-таки хорошо и спокойно жить на Зар-Тенарре. Шуке, убаюканный приятными воспоминаниями, не заметил, как задремал.

Разбудил писклявый детский крик. Рядом резвилась группка детёнышей. Солнце в самом зените. Невероятно жарко. Шуке допил остатки жидкости из бутылки, сунув её на всякий случай в сумку. Попытался отрегулировать тепловой баланс тела. Не с первого раза, но удалось. Стало получше. На первый день исследовательской деятельности пожалуй достаточно. Пора искать пристанище на ночь, а может и на несколько ближайших дней, пока не разберется с обстановкой и не решит что делать дальше. В этом теле можно бы и под открытым небом заночевать, но, кажется, этого здесь не одобряют. Выйдя из парка на улицу Шуке тут же натолкнулся на огромную, в полстены вывеску, прикрепленную рядом со входом в здание на противоположной стороне улицы: «ДОРОГИЕ ГОСТИ, ВЫ ПРИЕХАЛИ В НАШ ГОРОД? ВАМ НЕГДЕ ОСТАНОВИТЬСЯ?» и пониже: «ВСЕГДА В НАЛИЧИИ СВОБОДНЫЕ КОМНАТЫ!». Под вывеской нарисованы счастливые лица самца и самочки. Очевидно жилье для командировочных из других секторов, решил Шуке и, пропустив несколько катившихся по дороге механических, отчаянно вонявших экипажей, перебежал на ту сторону. Дверь и не подумала сама раскрыться. Дернул за прилепленную к ней рукоятку на себя. Тот же результат. Догадавшись, толкнул от себя. На этот раз дверь распахнулась и Шуке оказался в небольшом помещении, в котором царил успокаивающий полумрак и прохлада.

– Дверь закрывай! Не впускай жару! – услышал сердитый окрик. Он торопливо прикрыл за собой створку.

Несколько светильников на стене тускло освещали немолодую полную самку, сидевшую за широким прилавком в глубине помещения. Она брезгливо поджала толстые губы, критически окинув фигуру вошедшего. Всё в нём какое-то средненькое, сероватое. Не молод, не стар, ни высок, ни низок, ни толст, ни худ. Одет неброско. Голову покрывает аккуратная прическа из русых волос средней длины. Такого встретишь на улице и тотчас забудешь, едва разминешься. Не найдя его сколь нибудь важной персоной, из-за которой стоило подниматься, женщина состроила по её понятиям приветливую физиономию и проворчала:

– Чего Вам?

«Опять тот же вопрос» – растерялся Шуке.

– Тебе чего? – уже настойчивее потребовала особь, – Номер надо?

– Ночевать... ночевать... – услышал вдруг он свой голос, прозвучавший совершенно незнакомо.

– Ночевать, так ночевать, – пожал плечами самка, – Один будешь?

Шуке растерянно оглянулся, ожидая увидеть рядом еще кого либо, затем вновь разомкнул слипающиеся губы:

– Один... один... – и для убедительности вытянул вверх один из своих многочисленных безволосых пальцев.

– Ну один так один. – она сняла со стены висевший там в ряду других таких же странный предмет и передала его новому постояльцу.

– Номер 17. Вот написано. Номер двухместный. Там уже есть жилец. Ключ сдавать необязательно. У каждого свой. – она сунула ему в нос маленькую полоску из твердого вещества с нарисованным на ней значком, – Второй этаж. Вот эта лестница, а там – направо. Платить наличными будете?

Шуке растерянно стоял, не зная, чего та хочет.

– Платить! Деньги! Сейчас будешь платить? – голос толстой самки становится раздраженнее. При этом она подняла вверх одну из цветных бумажек, что лежали в коробке перед ней, потрясла ею в воздухе, повторяя «деньги, деньги» и вновь положила обратно. Шуке скорее инстинктивно, чем под действием разума, раскрыл сумку и вынул из кармашка самую большую красноватую бумажку, протянув хозяйке. Та успокоилась. Взяла бумажку:

– Сколько дней, сударь, жить намерены?

Шуке вновь растерялся. Он как то не думал об этом.

– Ну? – самка с интересом смотрела на постояльца. – Командировочный, что ли? Сам не знаешь насколько приехал? – теперь, когда она получила в руки деньги, она больше не торопилась. Очевидно ей было скучно вот так сидеть одной, в ожидании забредших постояльцев.

Шуке выкинул вперед ладонь с растопыренными пальцами.

– Ну пять, так пять, – самка смягчилась, что то записала в большую тетрадь, отсчитала сдачу, вручив Шуке целую охапку разнокалиберных кружков и одну зеленоватую бумажку, после чего потеряла к нему всякий интерес.

Шуке, ссыпав сдачу прямо в сумку (он пока еще не до конца разобрался в смысле этих ответных бумажек и кружочков, но раз так надо... Во всяком случае теперь понятно, что они называются «деньги», а их переход из рук в руки, очевидно и означает – «платить»). Поднялся вверх, осторожно ступая по деревянным скрипучим ступенькам. Это крайне необычно и интересно. Он дошел до самого верха, пройдя шесть пролетов и ощущая в мышцах приятную усталость. Спустился вниз. Затем вновь поднялся, но уже на второй этаж. Интересно. Свернул, как ему было велено, направо и в растерянности замер. Довольно длинный темный коридор с несколькими тусклыми светильниками под потолком, тянулся вдаль. Весь он, и по правой и по левой стороне, покрыт желтоватыми дверьми. Шуке уже хотел было спуститься вниз

за разъяснениями, но нежелание вновь столкнуться нос к носу с не очень гостеприимной особью удержало его. Она еще сказала – «номер 17» и показала нарисованный знак на прикрепленной к металлической штуке полоске. Смотритель поднес к глазам эту полоску и увидел две закорючки. Поднял голову и посмотрел на двери – на каждой, вверху, имелись похожие закорючки. Но каждая чем-то, да отличалась от прочих. Шуке пошел вдоль коридора, смотря то на закорючки на дверях, то на закорючки на полоске. Наконец он нашел точь-в-точь такие же. В это время мимо прошли две смеющиеся самки, не обратившие на него никакого внимания. Подойдя к одной из дверей та, что пониже, с неприятным светлым длинным пучком шерсти на макушке головы, сунула металлическую полоску (такую же, как в руках Шуке) в отверстие у самого края двери, повернула её. Что-то слабо щелкнуло и... створка двери чудесным образом раскрылась внутрь. Шуке поступил так же, но всунуть железку получилось не с первого раза – пришлось несколько раз её переворачивать. Наконец замок в двери так же щелкнул и дверь приоткрылась. Смотритель был в восторге. Он заколебался, следует ли оставлять металлическую полоску в двери. Выглянул в коридор. Нет, ни в одной из дверей в отверстиях торчащих полосок не было. Не отказав себе в удовольствии раза три захлопнуть дверь и вновь её открыть ключом, Шуке наконец извлек его и сунул в карман, весьма довольный собой.

Первое помещение, в котором оказался Шуке, очень маленькое, почти квадратное, освещено крошечным светильником, прилепившимся под самым потолком. В правой стене и впереди, напротив входа, еще по одной двери. Очевидно это маленький промежуточный коридорчик. Осторожно приоткрыл правую дверь. Из густой темноты пахло сыростью. Шуке непроизвольно отпрянул. Неизвестно, что за опасность могла таиться там. Прислушался. Тихо. Прикрыл дверь. Успеется. Посмотрим, что скрывается за другой дверью. Шуке тихо, готовый при первой опасности сразу захлопнуть, отворил дверь. Небольшая комната освещена дневным светом, проникающим сквозь два окна.

Посреди комнаты большой крепкий стол. Сбоку от стола – деревянный стул со спинкой. Второй, точно такой же – на столе. На этом стуле с поднятыми кверху руками стоит двуногий. Своими короткими многочисленными пальцами он что-то делает над головой. Шуке в нерешительности замер. Он просто не знал, насколько такое поведение характерно для двуногих и как ему следует реагировать. Стоящий же на стуле самец, бросив на вошедшего испуганный взгляд, продолжил свое непонятное занятие с удвоенной энергией. У него явно не получалось. Только тут Шуке разобрал, что двуногий пытается привязать один конец свисающей вниз веревки к какому-то крючку, торчащему из потолка. К этому же крючку был прикреплен на короткой металлической трубке стеклянный шар. Светильник – догадался смотритель. Между тем самец, наконец, совладал с веревкой. Затем, опять бросив на вошедшего затравленный, и вместе с тем, свирепый, взгляд, накинул себе на шею петлю, которой заканчивался второй конец веревки. При этом он прокричал:

– И не пытайтесь остановить меня! Уйдите!

Шуке и не пытался его останавливать. Но слова двуногого напрягли. До него вдруг дошло, что он стал свидетелем чего-то не совсем обычного, чего-то выходящего за рамки нормального поведения аборигенов. Двуногий же резким торопливым движением ноги вдруг столкнул стул со стола. Тот с грохотом полетел на пол. Тело самца повисло в воздухе. Существо задрыгало ногами, которые еле—еле шаркали носками обуви по поверхности стола. Фигура отчаянно извивалась и дергалась. Из перекошенного рта неслись затухающие хрипы. Существо явно начинало задыхаться. Оно хваталось руками за веревку. Шуке даже почувствовал сам удушье, словно петля захлестнулась на его горле. Похоже, что двуногий передумал и уже раскаивался в своих действиях, пытаясь освободить горло от туго охватившей её петли. Но ноги не доставали до твердой поверхности и это мешало ему исполнить свое намерение. Что делать? Помочь? Но существо недвусмысленно требовало не мешать ему. Хрипы становились все тише

и тише. Еще немного... И что будет? Судорожная дробь, выбиваемая твердыми краями обуви несчастного по деревянной поверхности, вывела Шуке из ступора. Он вскочил на стол, обхватил левой рукой почти переставшего дрыгаться бедолагу, второй изо всех сил рванул веревку вниз. Мышцы тела Шуке были специально рассчитаны им при проектировании на большие нагрузки. Веревка послушно сорвалась с крюка. Тело, вместе с висевшим на крюке светильником с грохотом полетело вниз. Не удержавшись, и сам спаситель оказался на полу. Удар был весьма чувствительным. Тем не менее, Шуке тут же кинулся к спасенному и стал срывать с его шеи плотно впившуюся в кожу веревку. Наконец это удалось. Что дальше? Скрючившееся на полу существо не подавало признаков жизни. Шуке перевернул его на бок. Неужели издохло? Но нет. Самец захрипел, затем закашлялся. Из рта вырывались булькающие звуки. По щеке потекли отвратительные полосы вспененных слюней. Наконец несчастный приподнявшись, сел прямо на полу и осоловело уставился на своего спасителя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.